

Глава 8

Это произошло осенью двадцать первого года правления под девизом Юаньхэ.

Четырнадцатилетний Ли Наньчжу, отсидев ровно пол-утра на учениях, совсем изныл от скуки, а потому, прихватив с собой Синь Сы, попросту сбежал с занятий на площадку для игры в мацю за городскими воротами.

Нравы в Чжаочжоу царили вольные, а народ питал страсть к забавам и состязаниям — особенно к цуцзюй. Турниры устраивали с размахом: и ученические, и взрослые; одни чинно организовывали чиновники, другие проводились просто ради забавы горожан. Но маленькому уездному князю больше всего мила была именно игра в поло. В отличие от цуцзюй, где приходилось носиться по всему полю, выбиваясь из сил и обливаясь потом, верхом на коне можно было лететь подобно ветру. Ощущение полета да и только, к тому же куда меньше хлопот!

Тем более что на четырнадцатилетие старший брат подарил ему молодого жеребца — статную, горделивую лошадку. Маленький уездный князь души в ней не чаял и, кабы позволили, готов был спать прямо в седле. А поскольку низы всегда подражают верхам, игра в мацю в Чжаочжоу быстро вошла в превеликую моду.

Желая порезвиться от души, Ли Наньчжу первым делом шмыгнул в спальные покои казенной школы и ткнул локтем Синь Сы:

— Живее, живее! Где одежда? И только попробуй сегодня меня подвести! Если меня узнают и всю забаву испортят, домашнее задание от наставника будешь писать за меня!

Настоящий маленький разбойник.

Синь Сы сострыпал скорбную мину. Разве ж они вдвоем справятся? На поле для мацю у копыт глаз нет. Случись кому столкнуться с юным князем да нанести ему увечье — с них же голову снимут!

— Выиграем — сам за тебя все напишу, — посулил Наньчжу.

— По рукам! — мгновенно повеселел Синь Сы.

Ли Наньчжу недоверчиво прищурился:

— Ты что же, только что нарочно меня дурачил?

— Да как я смею, маленький уездный князь! — с самым честным видом ответил тот.

Наньчжу лишь фыркнул. Он стремительно переоделся, одарил слугу взглядом, означавшим: «Смотри у меня, парень, лучше бы тебе не врать», после чего они выскользнули через задние ворота.

Под прикрытием Синь Сы побег удался на славу.

Направив коня за город, Ли Наньчжу приметил, что на площадке уже кипит игра. Азарт мгновенно захлестнул его, подталкивая в гущу событий, но Синь Сы вовремя окликнул его:

— Главарь, а как же лицо? Лицо!

Чтобы не раскрывать инкогнито, маленький князь велел звать себя «главарем».

Ли Наньчжу натянул поводья. Не успел он и рта открыть, как Синь Сы бросил ему в руки коробочку румян. Подхватив ее с полуслова, Наньчжу зачерпнул снадобье тремя пальцами и безжалостно размазал по щекам. На белоснежной, нежной коже выросли хаотичные алые полосы, но даже эта мазня не могла скрыть его живых, лучистых глаз.

— Готово! В бой!

Охваченный юношеским задором, маленький князь выкрикнул приказ и вместе с Синь Сы ворвался на игровое поле.

В те времена в Чжаочжоу хватало зажиточных юнцов, обожавших мацю. Да что там богачи — даже простые семьи, не имевшие лошадей, присылали сыновей на мулах. Вход на площадку стоил всего пару медяков за весь день, а забавы хватало с избытком. Зачастую играли на интерес: проигравшая команда покупала победителям сладкую воду.

Ли Наньчжу и Синь Сы отыскиали площадку, где народу было поменьше. Едва они приблизились, как кто-то, заметив пестрое лицо Наньчжу, подбежал к лидеру своей команды:

— Шестой молодой господин, это он! Тот, что с измазанным лицом, дерется как зверь!

— Неужто так хорош? — Шестой молодой господин с недоверием смерил взглядом двух низкорослых заморышей.

Сидя в седле, Ли Наньчжу дернул высоким конским хвостом и дерзко бросил:

— Выходите хоть все вместе! Я и глазом не моргну!

Запоздавший Синь Сы хотел было ткнуть хозяина в бок — эх его занесло, противников-то

четверо!

Обед они, разумеется, пропустили. Схватка разгорелась нешуточная, никому не хотелось уступать. Лишь к концу часа Овцы Ли Наньчжу вспомнил, что пора бы и честь знать. Сжав бока коня, он вместе с Синь Сы ветром умчался обратно в город.

В те поры княжеская усадьба еще строилась, поэтому Ли Наньчжу жил вместе со старшим братом и невесткой.

Ворота поместья Великого князя Ли стояли настежь. Завидев возвратившегося уездного князя, привратники обрадовались несказанно. Сам же Ли Наньчжу хоть и держался бодро, в душе изрядно трусил, а потому голос его невольно дрогнул:

— Где брат с невесткой? Не гnevаются? Обедали уже?

Стражник, не понимая причин его тревоги, честно доложил:

— Ваше Высочество, в полуденные часы прибыли гости из столицы, Великий князь и княгиня сейчас изволят быть заняты.

— А, ну тогда ладно, — Ли Наньчжу облегченно перевел дух. Уводя Синь Сы за собой, он пробормотал: — Надо же, за хлопотами обо мне и запомнить успели. Неужто старшая двоюродная сестра пожаловала?

Тут Синь Сы вспомнил кое-что и тихо шепнул:

— Хозяин, когда мы уходили, я же записку оставил... Стражники знали, куда мы направились.

Потому-то Великий князь и не поднимал паники.

Ли Наньчжу набрал полную грудь воздуха, чтобы высказать слуге все, что думает, но, встретившись с его безгрешным честным взглядом... лишь махнул рукой.

Экий мастак притворяться простачком!

«Вроде ни праздника, ни будней — с чего бы старшей двоюродной сестре приезжать? Уж не страшась ли чего?» — размышлял Ли Наньчжу. Сгорая от любопытства, он ускорил шаг. Но в главном зале сестры не оказалось — вместо нее он увидел незнакомого мальчика.

Его брат с невесткой стояли. В зале находились и другие люди — пыльные с дороги, одетые просто и скромно. Однако Ли Наньчжу сразу распознал в них бывалых воинов, весьма похожих

на личную охрану двоюродной сестры.

— Наньчжу, — заметив вернувшегося брата, Ли Наньчжан поманил его к себе. — Это гость из столицы, поприветствуй его.

«Кто же это?» Ли Наньчжу сгорал от любопытства, совершенно позабыв, что стоит перед всеми с размалеванным лицом и растрепанными волосами. Опустив взгляд на мальчишку, он разглядел худенького, бледного ребенка с бескровными губами. Но до чего же хорош тот был собой!

У мальчика были глубоко посаженные большие глаза с необычно светлыми радужками, отчего он походил на диковинное дитя от иноземного брака.

Его пушистые длинные ресницы трепетали при каждом взмахе, точно у драгоценной куклы. Вот только исхудавшее личико застыло в суровом, не по-детски серьезном выражении. Заметив обращенный на него взгляд, Ли Наньчжу ответил приветливой и доброжелательной улыбкой.

— Яннисянь приветствует дядю Наньчжу.

Мальчик отвесил ему чинный низкий поклон.

В тот миг Ли Наньчжу почувствовал нечто непередаваемое. Ребенок вел себя слишком взросло, слишком учтиво. Это отличалось от степенности его собственного старшего внука Ли Мукэ: тот хоть и воспитывался в строгости и знании правил, но в глубине его глаз все же теплилась ребяческая живость.

А у этого мальчика взгляд был...

Лишь позже Ли Наньчжу узнал от старшего брата, что весной у Яннисяня умер отец.

«... Он от рождения слаб здоровьем, а после тяжелой болезни и вовсе чуть не отдал концы от горячки. Дед Яннисяня перепугался, что злодеи на том не остановятся и вслед за старшим погубят и младшего. Вспомнив, что наш Чжаочжоу далеко — императорская власть сюда едва дотягивается, — он и отослал мальчика к нам, дабы мы приглядели за ним».

Великий князь сбивчиво излагал суть, намереваясь утаить истинный титул Ли Яннисяня, но в разговоре с родным братом оговорился сам собой.

Ли Наньчжу понял, что дело нечисто, но расспрашивать не стал: захочет брат — сам расскажет. Лишь кивнул и, глядя на щуплую фигурку сироты, тяжело вздохнул:

— Вот оно как... В такие года — и такое горе. Тяжело ему. Я буду хорошо о нем заботиться.

Услышав это, Великий князь хотел было подшутить: «Ты-то? Заботиться? Не мучил бы дитя, и на том спасибо! Где ж императорскому внуку выдержать твои проказы?» Однако, взглянув на брата, с недетской грустью сопереживавшего чужой беде, он сдержал колкость.

Императорский внук лишился самого близкого человека и тонул в пучине скорби; в столь юные лета эта тяжесть могла сломать его окончательно.

Пусть уж лучше Наньчжу возится с ним.

Князь лишь предостерег:

— Яннян не отличается крепким здоровьем, у него врожденная слабость. Смотри, не заставляй его бегать с тобой где попало.

— Брат, я же знаю меру! Не волнуйся, — похлопал себя в грудь Ли Наньчжу.

В поместье находился императорский лекарь. Ли Янняню отвели отдельный двор; с ним прибыла пожилая няня. По причине спешки и необходимости скрывать отъезд слуг взяли по минимуму — лишь самых верных, а про повара и вовсе забыли.

Ли Наньчжу стал наведываться к Ли Янняню каждый день, пытаясь развлечь его разговорами.

Поначалу их лады не ладились. Ли Яннян замкнулся в себе, ушел в собственные мысли и мог целое утро просидеть неподвижно: либо уставившись в книгу, либо думая о чем-то своем, не вымолвив ни слова.

Ли Наньчжу по натуре не мог усидеть на месте — веселый, непоседливый, совсем не из тех, кто умеет нянчиться с малышкой. Но именно к Ли Янняню он проявлял бесконечное терпение...

Великий князь, наблюдавший за ними, хотел было подшутить над внезапной переменой в характере младшего брата, но вовремя вспомнил: когда умер их собственный отец, Наньчжу исполнилось всего пять лет. Должно быть, глядя на императорского внука, тот вспоминал свое детство... Прикусив язык, князь лишь с любовью взъерошил волосы брата.

Ли Наньчжу мгновенно подскочил, возмущенно вопя:

— Брат! Ты мне всю прическу испортил! Теперь как куриное гнездо!

— Ха-ха! Давай-ка я тебе все разглажу, — хохотнул князь и, поплевав на свои широкие, мозолистые ладони, шлепнул брата по голове.

Ли Наньчжу с визгом бросился наутек.

Сблизил же маленького уездного князя и императорского внука один прекрасный случай. Ли Наньчжу любил острую, пряную пищу с насыщенным вкусом, а Ли Яннань изо дня в день ел пресную, вареную траву и отказывался от скоромного — держал траур по отцу.

Старая няня угасала от тревоги: маленький императорский внук таял на глазах, но переубедить его она не могла. В тот день она обратилась к уездному князю с просьбой уговорить мальчика съесть хотя бы яйцо для восстановления сил.

— Его Высочество... — няня чуть не оговорилась и торопливо поправилась: — Маленький хозяин соблюдает траур уже более трех месяцев. Он слаб здоровьем, по всем правилам ему уже позволено вкушать немного скоромного...

В тот день они обедали вместе. Ли Наньчжу аппетитно уплетал цыпленка Гунбао и свинину Гуобаожоу с ананасами. Поразмыслив немного, он зачерпнул ложкой кусочек кисло-сладкого мяса и положил в пиалу мальчику.

Маленький Ли Яннань опустил глаза, разглядывая угощение.

Ли Наньчжу принялся наставлять его с видом умудренного опытом старшего:

— Детям нужно есть мясо, чтобы расти крепкими! — Напустив на себя важный вид, он тут же сбросил спесь и с сияющей улыбкой добавил: — Попробуй, оно кисло-сладенькое, совсем не острое! Ужасно вкусно!

Под ожидающим взглядом дяди Наньчжу маленький Ли Яннань взялся за ложку и отправил кусочек в рот.

— Ну как, вкусно же?

— Пережевывай медленно, не подавись.

— Сразу много мяса есть нельзя. Сегодня ограничимся двумя кусочками, привыкать надо постепенно.

Маленький Ли Яннань вкусил мясного впервые с начала траура. Он непрерывно смотрел на сидевшего напротив дядю Наньчжу, уговаривавшего его, и на все расспросы лишь тихо, кротко ответил: «Угу».

Глядя на эту послушную кроху, Ли Наньчжу потерял бдительность. Он взял кусочек курятины из цыпленка Гунбао, предварительно промокнул его в чае, чтобы смыть остроту, и предложил

мальчику попробовать новый вкус.

Результат оказался плачевным: во второй половине дня у маленького Ли Яннзя скрутило живот, по лбу пошел холодный пот, началась рвота. В поместье князь немедленно вызвал и личного императорского лекаря, и лучших врачей Чжаочжоу.

Ли Наньчжу испугался до полусмерти.

— Ты не виноват, ты же хотел как лучше, — утешал его Ли Наньчжан, видя муки совести младшего брата.

Ли Наньчжу качал головой:

— Нет, это моя вина. Брат, я не ответственности избегаю... Просто Сяо Няню так больно! Ему же всего десять лет... — за что ему такие муки?

В ту ночь Ли Наньчжу дежурил у постели больного. Пока Ли Яннзя не пошел на поправку, он не отходил от него ни на шаг.

Дворец Долговечного Журавля

Воспоминание об этих мучениях маленького Ли Яннзя было настолько живым, что Ли Наньчжу, не раздумывая, сгреб всю жареную баранину к себе в пиалу и принялся уплетать ее за обе щеки.

Черт возьми, до чего же остро!

Сквозь слезы, застилавшие глаза, маленький уездный князь прохрипел:

— Остро!

Ли Яннзя поспешно подал ему пиалу с чаем. Ли Наньчжу сделал глоток и тут же высунул язык, жалобно выдыхая:

— И горячо, и остро!

Ему срочно требовалась ледяная газировка!

Но ничего подобного под рукой не водилось.

В конце концов старшая няня принесла сладости. Ли Наньчжу сбил жжение приторным десертом, и только тогда перевел дух. Едва они закончили трапезу, как евнух доложил о прибытии императорского лекаря Хуана.

— Нянянь, ты себя плохо чувствуешь? — заволновался Ли Наньчжу, хотя с едой вроде бы все было в порядке.

— Лекарь Хуан ежедневно снимает у меня пульс, проверяя здоровье, — пояснил Ли Яннень.

— А-а, тогда дело нужное.

Закончив осмотр императора, лекарь услышал просьбу Ли Яннень:

— Покорно прошу вас, лекарь Хуан, осмотреть и уездного князя.

— Сие не составит труда, — почтенно отозвался лекарь и обратился к Ли Наньчжу: — Позвольте узнать, Ваше Высочество, не беспокоит ли вас что-либо?

Ли Наньчжу откашлялся. Раз уж человек пришел, надо оказать уважение Сяо Няню, а потому он с самым невозмутимым и чинным видом произнес:

— Пустяки! Всего лишь перчинка в горло попала.

Вид у него был исполнен полного спокойствия и величия, точно у умудренного опытом полководца.

В итоге лекарь выписал успокаивающие леденцы для горла, которые Ли Наньчжу тут же отправил в рот. Время близилось к ночи, и, опасаясь, что ворота дворца закроют, да и изрядно утомившись за день, князь стал прощаться:

— Нянянь, я отправляюсь восвояси. Послезавтра заберу тебя из дворца погулять. Одевайся потеплее и даже не думай отказываться!

— Мы не виделись года четыре или пять, надо посидеть, поболтать на славу.

— Я научу тебя играть в мацю!

Маленький уездный князь сыпал напутствиями, ни в какую не желая уходить.

Когда он покинул дворцовые покровы, чиновники как раз расходились после службы. Выезд уездного князя Ли ожидал у главных ворот, перегородив полулицы. Ли Наньчжу слышал, как расшитые шелком государственные мужи косо глядели на его пышный выезд и шептались за спиной.

Не обращая внимания на судей и цензоров, маленький князь с оскалом выпятил белые зубы и, давая волю своей надменности, громко выкрикнул:

— Сию свиту милостиво пожаловал мне императорский дядя! Если б я не пользовался ею, то проявил бы неблагодарность к его высокой милости. Так что трудитесь усерднее, господа чиновники, дабы и вам дослужиться до таких почестей!

— И лучше бы вам выбрать место без ветра, а то от ваших речей такой кислятиной несет — дышать не вмоготу!

С этими словами маленький князь вскочил в экипаж. Загремели гонги, разогнав зевак.

Миновав дворцовые ворота и выехав на Главную улицу Великого Спокойствия, он, как на грех, опять наткнулся на карету Шестого принца. Впрочем, на этот раз тот двигался впереди.

— Хозяин, впереди экипаж Шестого принца, — раздался за окном азартный голос.

Ли Наньчжу отдернул шторку и увидел все то же честное, простецкое лицо Синь Сы.

— Таранить будем? — с готовностью спросил тот.

Ли Наньчжу глянул вперед. Нахальство в нем вспыхнуло с новой силой:

— Тарань! Да побыстрее!

Раз уж тот так любит уступать дорогу, пусть уступит сполна!

Маленький князь откинулся на подушки.

Синь Сы тут же прищепил коня и прокричал передним стражникам:

— Уездный князь устал и спешит домой! Живее!

Кортеж мгновенно набрал ход. Избиваемые медные гонги загремели на весь проспект:

— Выезд уездного князя Ли! Дорогу!

— Выезд уездного князя Ли! Дорогу!

Грохот и крики напугали коней Шестого принца. Поднялся такой шум, что сидевший в карете Шестой принц не мог больше делать вид, будто ничего не замечает. Слуга за окном тревожно прокричал:

— Ваше Высочество! Сзади экипаж князя Ли! Набирает ход, вот-вот въедет в нас!

— Уступить! — сквозь зубы процедил Шестой принц, едва не раздавив собственные зубы. — Дать ему пройти!

Каков Ли Наньчжу, каков уездный князь!

Совсем страх потерял, ни во что его не ставит.

... Что ж, посмотрим, чья возьмет!

<http://bllate.org/book/19962/1990211>